

Примечания

1 Теперь итальянский фашизм под страхом смертной казни или, что еще хуже самоубийства, должен создать «основу доктринальных положений». Последние не будут и не должны быть Нессовой рубахой, связывающей нас навечно – ибо завтрашний день таинственен и невообразим, – но они должны установить ориентировочную норму для ежедневной политической и личной деятельности.

Я, продиктовавший эти положения, сам первый признаю, что наши скромные программные скрижали – теоретические и практические вехи фашизма – должны быть пересмотрены, исправлены, расширены и подтверждены, ибо с течением времени они подверглись изъяду. Я верю, что основное зерно заключается в постулатах, которые два года назад служили сигналом для сбора отрядов Итальянского фашизма; но, исходя из этого первородного ядра, своевременно приступить к дальнейшей более широкой разработке самой программы.

В этой жизненной для фашизма работе с особым рвением должны помочь все фашисты Италии, особенно из тех районов, где по договору или без него, установилось мирное сосуществование двух борющихся течений.

Это слово грубовато, но я хотел бы, чтобы в течение двух месяцев, отделяющих нас от национального собрания, была создана философия Итальянского фашизма. Милан будет способствовать этой цели со своей первой школой пропаганды и культуры. Дело идет не только об изготовлении программных положений, на которые могла бы опираться организация партии, представляющая собой неизбежное завершение фашистского движения; речь идет также об опровержении глупой басни, будто в фашизме участвуют только насильники, а не люди беспокойного и созерцательного духа, как это есть в действительности. Это новое направление фашистской деятельности не повредит – я в этом уверен – великолепному духу и боевому темпераменту, характерной особенностью фашизма. Снабдить ум доктриной и твердыми убеждениями не означает разоружение, но укрепление и большее осознание действия. Солдаты, сознающие причины войны, всегда являются лучшими бойцами. Фашизм может и должен взять девизом двухчлен Маццини: мысль и действие (письмо М. Бианки, 27 августа 1921 г., по случаю открытия школы пропаганды и фашистской культуры в Милане; в «Посланиях и воззваниях», Книгоизд. Италия, 1929, стр. 39).

Необходимо создать общение между фашистами, сделать так, чтобы их деятельность была доктринальной, деятельностью духовной и интеллектуальной...

Теперь, если бы наши противники присутствовали на нашем собрании они убедились бы, что фашизм не только действие, но и мысль (речь в Национальном Совете Фашистской партии 8 августа 1924 г., «Статьи и Речи», изд. Гоепли, т. IV., далее все цитаты будут приводится по полному собранию «Статей и Речей Б. Муссолини», по изд. Гоепли, с указанием букв «С. и

Р.»).

2 Я утверждаю ныне, что фашизм в своей идее, доктрине, реализации универсален; Итальянский фашизм, особенный в своих учреждениях, универсален по духу, и не может быть иначе. Дух универсален по самой своей природе. Поэтому можно предвидеть фашистскую Европу; Европу, следующую в своих учреждениях доктрине и практике фашизма.

Другими словами, Европу, разрешающую проблему современного государства в фашистском духе; государства 20 века, весьма отличного от государств, существовавших до 1789 г. и образовавшихся затем. Теперь фашизм отвечает требованиям универсального характера. Действительно, он решает тройную проблему отношений между государством и индивидом; между государством и группами, между группами и организованными группами. (Послание к 9 годовщине федеральным директориям, собравшимся во Дворце «Венеция», 27 окт. 1930 г., «С. и Р.», т. VII, стр. 230).

3 Этот политический процесс сопровождается философским процессом; если верно, что в течение века на алтари возносилась материя, то теперь дух занимает ее место. Последовательно отвергаются все особые проявления демократического духа – вздорность, импровизация, отсутствие чувства личной ответственности, преклонение перед числом и таинственным божеством, называемым «народом». Все творения духа – начиная с религиозных – выдвигаются на первый план, между тем как никто не смеет задерживаться на позициях антиклерикализма, являющегося на западе многие десятилетия любимым занятием демократии.

Когда говорят, что Бог возвращается, то под этим подразумевают утверждение, что возвращаются духовные ценности (На чьей стороне мир? «С. и Р.», т. II, стр. 264).

Имеется зона, предназначенная не столько для исканий, сколько для созерцания высших целей жизни. Поэтому наука исходит из опыта, но неизбежно приходит к философии, и, по моему, только философия может просветить науку и перевести ее в плоскость универсальной идеи. (Речь на конгрессе в Болонье, «С. и Р.», т. V, стр. 464).

Фашистское движение, чтобы быть понятым, должно рассматриваться во всей полноте и глубине духовного явления. Его внешние проявления были наиболее сильными и наиболее решительными; но не следует останавливаться только на них. Итальянский фашизм, действительно, был не только политическим бунтом против слабых и неспособных правителей, допустивших падение государственного авторитета и угрожавших задержать Италию на путях ее высшего развития; он был духовным бунтом против старых идеологий, разлагающих священные начала религии, отечества и семьи. И, как духовный бунт, фашизм есть непосредственное проявление народа. (Послание английскому народу, 5 января 1924 г.).

4 Борьба есть источник всех вещей, поэтому вся жизнь полна контрастов: любовь и ненависть; белое и черное; день и ночь; добро и зло; и пока эти контрасты не придут в равновесие, борьба как высшая фатальность будет всегда основой человеческой природы.

В конце концов хорошо, что это так. Сегодня существует борьба военная, экономическая, идейная, но день, когда больше не боролись бы, был бы днем меланхолии, конца, разрушения. Однако, этот день не наступит. Именно поэтому история всегда представляется в виде сменяющейся панорамы. Если бы сейчас вернуться к миру, спокойствию и тишине, то началась бы борьба против сегодняшних тенденций настоящего динамичного периода. Нужно подготовиться к новым неожиданностям, к новой борьбе. Мир не наступит, пока народы не отдадутся во власть христианской мечты всеобщего братства и не протянут друг другу руки через моря и горы. Я, со своей стороны, не очень верю в эти идеалы, но и не исключаю их, ибо я ничего не исключаю. (Речь в Политеам Россетти в Триенте; «С. и Р.», т. II, стр. 99).

5 Я понимаю под честью наций их заслуги в деле человеческой культуры. (Е. Людвиг. Разговоры с Муссолини, Милан, 1922 г., стр. 199).

6 Я, наоборот назвал эту организацию: Итальянские боевые дружины (fascio). В этом жестком и металлическом слове заключается вся программа фашизма, как я его себе представлял, как я его хотел, как я его создал.

Вот вам еще, товарищи, программа: бороться.

Для нас, фашистов, жизнь есть длящаяся и непрестанная борьба, охотно принимаемая нами с большим мужеством и необходимым бесстрашием. (Речь в Риме в 7-ую годовщину основания дружин, 23 марта 1926 г.; «С. и Р.», т. V, стр. 297). Вот, даже нечто новое для сущности фашистской философии! Когда Финляндский философ недавно просил меня в одной фразе выразить ему смысл фашизма, я написал ему по-немецки: «мы против удобной жизни». (Е. Людвиг. Разговоры с Муссолини. Милан, 1932 г., стр. 190).

7 Если бы фашизм не был верой, как создал бы он стоицизм и мужество у своих рядовых членов? Только вера, достигающая религиозных высот, только вера может подсказать слова, произнесенные теперь уже бескровными устами Фридриха Флорио. («Кровная связь», «С. и Р.», т. II, стр. 233).

8 Традиция есть, конечно, одна из наибольших духовных сил народов, поскольку она является последовательным и постоянным творчеством народной души. («Краткая Прелюдия», «С. и Р.», т. II, стр. 235).

9 Наш темперамент побуждает нас дорожить конкретной стороной проблем, а не их идеологическими или мистическими изощрениями. Поэтому мы легко находим равновесие. («Драматические проявления», «С. и Р.», т. I, стр. 272).

Наша борьба наиболее неблагодарная и наиболее прекрасная, потому что заставляет нас рассчитывать только на собственные силы. Мы разорвали все истины откровения, мы наплевали на все догмы, мы отвергли все райские мечты, заклеили всех шарлатанов: белых, красных, черных, которые пускают в продажу чудотворные рецепты «счастья» для человеческого рода. Мы не верим программам, схемам, святым и апостолам; мы не верим особенно в счастье, в спасение, в землю обетованную.

Мы не верим в единое решение, будь оно экономическое, политическое или моральное; мы не верим в прямолинейное решение жизненных задач, ибо, о знаменитые наши певцы всех сакристей, жизнь не прямолинейна, ее никогда не свести к ограниченному сегменту первичных потребностей. («Необходимо плавать», «С. и Р.», т. II, стр. 53).

10 Мы не вечно застывшие мумии с лицом, повернутым в одну сторону, и не хотим ими быть; мы не хотим замкнуться в узких загородках левого ханжества, где механически мямлят формулы, соответствующие молитвам признанных религий; мы люди и люди живые, жаждущие внести нашу, пусть и скромную, долю в творчество истории. («Смелость», «С. и Р.», т. I, стр. 8).

Мы превозносим моральные и традиционные ценности, отброшенные и обесцененные социализмом; но главное фашистский дух бежит ото всякой произвольной ипотеки на таинственное будущее. («Спустя два года», «С. и Р.», т. II, стр. 153).

Что касается слов и понятий, связанных с правой и левой, с охраной и обновлением, с традицией и прогрессом, то мы не цепляемся отчаянно за прошлое, как за ковчег спасения, но и не бросаемся сломя голову, в туманы соблазнительного будущего. («Краткая прелюдия», «С. и Р.», т. II, стр. 236).

Отрицание, вечная неподвижность – это проклятие. Я за движение. Я путник. (Е. Людвиг, Разговоры с Муссолини, стр. 204).

11 Против демолиберального индивидуализма, мы первые утверждаем, что индивид существует только в государстве и только принимая необходимость государства, и что шаг за шагом с осложнением цивилизации свобода индивида все более ограничивается. (Большой рапорт фашизма, 14 сент. 1929 г.; «С. и Р.», т. VII, стр. 147).

Чувство государственности господствует в сознании Итальянского народа, чувствующего, что государство есть незаменимая гарантия их единства и независимости, что только государство представляет в будущем непрерывность их рода и истории. (Послание в 7-ой год, 25 окт. 1929 г.; «С. и Р.», т. VII, стр. 152).

Если за истекшие 80 лет мы осуществили такой значительный прогресс, то вы можете мысленно представить и предвидеть, что в ближайшие 50 или 80 лет шестые Италии, этой Италии, мощь и циркуляцию жизненных сил которой мы чувствуем, будет действительно грандиозно, если только мы сумеем сохранить согласие всех граждан, если государство будет арбитром политических и социальных споров, если все будет в государстве и ничего вне государства, ибо ныне нельзя представить индивида вне государства, разве только дикаря, ищущего для себя уединения среди песков пустыни. (Речь в Сенате 1 июля 1928 г., «С. и Р.», т. VII, стр. 173).

Фашизм возвратил государству его суверенную деятельность, настаивая, вопреки всем различиям классов и категорий, на его абсолютной моральной ценности; он вернул государственному правлению, сведенному к исполнительному органу выборного собрания, его достоинство представителя личности государства и полноту имперской власти; он освободил администрацию от давления всякой партийности и всяких интересов. (В

Государственном Совете 22 декаб. 1928 г.; «С. и Р.», т. VI, стр. 392).

12 Пусть не думают отрицать моральный характер фашистского государства, ибо я постыдился бы говорить с этой трибуны, если бы не чувствовал, что представляю моральную и духовную силу государства. Что представляло бы собой государство, если бы не обладало духом, моралью, дающей силу его законам и понуждающей граждан к повиновению.

Фашистское государство настаивает полностью на своем этическом характере, оно есть государство католическое, но фашистское, даже прежде всего, исключительно и главным образом, фашистское. Католицизм его восполняет и мы это открыто заявляем, но пусть никто даже не пытается, под видом философии или метафизики, подменить карты на столе. (Речь в Палате Депутатов, 13 мая 1929 г., «С. и Р.», т. VII, стр. 105).

...Государство, сознающее свою миссию и представляющее двигающийся вперед народ; государство, непрерывно его преобразующее, даже его внешний облик. Такому народу государство должно говорить великие слова, побуждать его на великие дела и великие идеи, а не только заниматься текущими административными делами. (там же, стр. 107).

13 Понятие свободы не абсолютно, ибо в жизни нет ничего абсолютного. Свобода не право, а долг, не подарок, а завоевание; не уравнение, а привилегия. Понятие свободы меняется во времени. Есть свобода во время мира, которая не может быть свободой в военное время. Есть свобода в богатые времена, которая не может быть дозволена во времена бедности. (Речь в 5-ую годовщину учреждения дружин 24 марта 1924 г., «С. и Р.», т. IV, стр. 77).

В нашем государстве свобода индивида не отсутствует. Он обладает ею более, чем изолированный человек, ибо государство его защищает и он является частью государства. Изолированный человек остается без защиты. (Е. Людвиг. Разговоры с Муссолини, стр. 129).

14 Ныне мы возвещаем миру создание могущественного объединенного Итальянского государства, от Альп до Сицилии. Это государство выявляется в концентрированной, организованной и объединенной демократии, в каковой народ движется по своей воле, ибо, господа, или Вы впустите народ в крепость государства, и он будет защищать его, или он будет вне государства и тогда он его атакует. (Речь в Палате Депутатов, 9 дек. 1928 г., «С. и Р.», т. VI, стр. 77).

При фашистском режиме единство всех классов, политическое, социальное и моральное единство Итальянского народа осуществляется в государстве, только в фашистском государстве. (Речь в Палате Депутатов, 9 декабря 1928 г., там же).

15 Мы создали объединенное Итальянское государство. Подумайте, что после Римской Империи Италия перестала быть единым государством. Здесь мы торжественно подтверждаем нашу государственную доктрину; здесь столь же энергично я подтверждаю мой лозунг из речи в Миланской Скале: «все в государстве, ничего против государства и ничего вне государства». (Речь в Палате Депутатов, 26 мая 1927 г., «С. и Р.», т. VI, стр. 76).

16 Мы находимся в государстве, которое контролирует все силы, действующие в лоне государства. Мы контролируем политические силы, моральные силы и экономические, следовательно, мы находимся в полном корпоративном фашистском государстве. Мы представляем в мире новое начало, мы представляем чистую, категорическую, окончательную антитезу всему миру демократии, плутократии, масонства, одним словом, всему миру бессмертных начал 1789 года. (Речь 7 апреля 1926 г., «С. и Р.», т. V, стр. 310).

Министерство корпораций не является бюрократическим органом, и тем менее оно желает заменить профсоюзные организации в их необходимо самостоятельной работе, направленной на организацию, отбор и совершенствование своих членов. Министерство корпораций есть орган, посредством которого в центре и на периферии осуществляется полная корпорация, достигается равновесие между интересами и силами хозяйственного мира. Достижение, возможное только в плоскости государства ибо оно одно стоит над противоположными интересами отдельных лиц и групп и координирует их с высшей целью; достижение, облегченное тем обстоятельством, что все признанные, гарантированные и охраняемые в корпоративном государстве, экономические организации живут на общей орбите фашизма, т. е. приемлют доктринальное и практическое учение фашизма. (Речь на открытии Министерства Корпораций 31 июня 1926 г., «С. и Р.», т. V, стр. 371).

Мы учредили корпоративное и фашистское государство, государство национального общества, государство охраняющее и контролирующее, гармонизирующее и регулирующее интересы всех социальных классов, получающих равную защиту. Между тем как прежде, во времена демолиберального строя, рабочие массы смотрели с неодобрением на государство, были вне и против государства, считали его своим врагом во всякий день и всякий час, ныне нет работающего итальянца, который не искал бы своего места в корпорации, в федерации, который не стремился бы стать живой молекулой великого, огромного живого организма каковым является национальное корпоративное фашистское государство. (Речь в четвертую годовщину похода на Рим, 28 окт. 1926 г., «С. и Р.», т. V, стр. 449).

17 Война была революционной в смысле ликвидации – в реках крови – века демократии, века числа, большинства количества. (В какую сторону идет мир? «С. и Р.», т. II, стр. 265).

18 Ср. выше, примечание 13.

19 Раса – это чувство, а не реальность; 95% чувства. (Е. Людвиг. Разговоры с Муссолини, стр. 75).

20 Нация существует, поскольку она является народом. Народ возвышается, поскольку он многочисленней, трудолюбив, упорядочен. Мощь есть результат этого основного трехчлена. (На общем собрании режиму 10 марта 1929 г., «С. и Р.», т. VII, стр. 14).

Фашизм не отрицает государства; он утверждает, что национальное или имперское общество граждан может быть мыслимо только в форме государства. (Государство, Антигосударство, Фашизм «С. и Р.», т. II, стр. 294).

Для нас нация есть прежде всего дух, а не только территория.

Были государства, имевшие громадные территории, и не оставившие следа в человеческой истории. Нация не есть число, ибо в истории были очень маленькие, микроскопические государства оставившие незабываемые, вечные памятники в области искусства и философии. Величие нации это комплекс всех этих качеств, всех этих условий Нация велика, когда реализует силу своего духа (речь в Неаполе 24 окт. 1922 г.; «С. и Р.», т. II, стр. 36).

Мы желаем объединить нацию в суверенном государстве, оно над всеми и может быть против всех, ибо представляет моральную непрерывность нации в истории. Без государства нет нации. Тогда имеются лишь человеческие толпы, доступные всякому разложению, которому может подвергнуть их история. (В Национальном Совете Фашистской Партии 8 авг. 1924 г.; «С. и Р.», т. IV, стр. 244).

21 Я верю, что если народы хотят жить, они должны развивать известную волю к власти, иначе они лишь существуют, тянут ляжку в жизни и делаются добычей более сильного народа, развившего такую волю к власти. (Речь в Сенате 27 мая 1926 г., «С. и Р.», т. V).

22 Фашизм перековал характер Итальянцев, сорвав с наших душ все нечистые наросты, закалив его для всяких жертв и придал Итальянскому лицу настоящую силу и красоту. (Речь 25 мая 1926 г.; «С и Р.», т. V, стр. 346).

Уместно пояснить внутренний характер и глубокое значение фашистского набора. Дело идет не только о церемонии, но о важнейшем моменте в системе воспитания и полной тоталитарной подготовки итальянца, которую фашистская революция считает основной и бесспорной задачей государства. Если Государство не выполняет этой задачи или допускает, чтобы ее у него оспаривали, то оно просто-напросто рискует своим правом на существование. (Речь в Палате Депутатов 28 мая 1928 г.; «С. и Р.», т. VI, стр. 156).

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:55:14

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:56:26